

Вэй Шаньцюэ передал уездного судью со всеми его грехами и обвинениями в Министерство юстиции.

— На этот раз стереги его как зеницу ока.

У министра юстиции тревожно ёкнуло сердце. Поспешив вслед за уходящим главой Восточного цеха, он взволнованно спросил:

— Неужели и с этим арестантом что-то не так? Просветите меня, глава Вэй!

— С ним-то всё в порядке, — бросил Вэй Шаньцюэ.

«Если с ним всё в порядке, то к чему такие предостережения?»

Покончив с передачей преступника, Вэй Шаньцюэ направился в императорский дворец — забрать Пэй Чаньина.

Не успели они вернуться в столицу и провести дома хотя бы одну спокойную ночь, как юный император поспешил призвать Пэй Чаньина к себе. Повод выдумал благовидный: мол, давно не упражнялся в боевых искусствах и боялся растерять сноровку.

На деле же Чжоу Чэнъяню просто не терпелось разузнать подробности их поездки на юг. Официальный доклад Вэй Шаньцюэ показался ему слишком сухим, кратким и казённым.

— Ваше Величество, вы бы только видели! — воодушевленно тараторил Пэй Чаньин. — Стоило главе Вэй вскинуть руку да крикнуть — голос его будто на тысячу ли разнёсся! Мятежников вмиг как громом поразило, все замерли!

— Ух ты! Неужто правда? Какая мощь! — восхитился юный правитель.

«Голос на тысячу ли»... Подобное описание выходило далеко за рамки даже самого беззастенчивого преувеличения.

Подойдя к дверям, Вэй Шаньцюэ жестом велел евнуху доложить о своём прибытии.

Столпившиеся в углу заговорщики — один увлечённый рассказчик и его заворожённый слушатель — мгновенно отпрянули друг от друга. Оба поспешно приняли глубокую стойку всадника и застыли с самым послушным и невинным видом.

Глава Восточного цеха и виду не подал, что заметил эту суету:

— Ваше Величество, день клонится к вечеру. Позвольте вашему слуге забрать Чанъина домой.

Молодой император с явной неохотой отпустил приятеля, напоследок обратившись к Вэй Шаньцюэ:

— Вэй-цин, не приведёшь ли ты завтра Чанъина с собой на утреннюю аудиенцию?

Не успел глава ответить, как Пэй Чанъин удручённо надулся.

Вэй Шаньцюэ едва заметно улыбнулся:

— Ваше Величество, этот негодник после утренних упражнений привык досматривать сны. Если лишить его утреннего отдыха, он уснёт прямо посреди тронного зала.

Юный государь искренне изумился:

— Неужто Чанъин настолько ленив?

Впервые в жизни прославивший лежебокой Пэй Чанъин лишился дара речи.

«Я же встаю на рассвете! Подумаешь, прилягу потом на часок — разве это лень?!»

— Мы обыкновенно пробуждаемся в час Тигра, а ко сну отходим лишь в час Крысы, — с достоинством произнёс император.

Пэй Чанъин, который не только сладко спал в обед, но и укладывался вечером с первыми сумерками, мысленно понурил голову.

«Что ж... Пожалуй, я и впрямь лентяй».

Уже в экипаже Пэй Чанъин не выдержал и уныло спросил:

— Наставник, я и правда слишком ленивый?

Вэй Шаньцюэ легонько щёлкнул его по лбу:

— С чего бы? Ты каждый день до седьмого пота изнуряешь себя тренировками, постигаешь воинское искусство и стратегию. Где же тут лень? Усердие императора — вынужденное. Ему нужно как можно скорее заявить о праве на престол и взять бразды правления в свои руки, дабы избавиться от опеки Вдовствующей императрицы.

Пэй Чанъин озадаченно нахмурился:

— Но разве Вдовствующая императрица вмешивается в государственные дела? Что-то я об этом не слышал.

Вэй Шаньцюэ мысленно усмехнулся.

«Левый канцлер целиком и полностью предан ей. Куда уж больше вмешиваться? Наша Вдовствующая императрица жаждет безраздельной власти, но при этом печётся о собственной святости. Пока Восточный цех собирает на себя всю народную ненависть и проклятия, принимая удар, простые люди и не помыслят дурного о добродетельной владычице».

Впрочем, забивать голову Чанъина этими интригами не стоило. Вэй Шаньцюэ сам расчистит для него путь. А затем отправит мальчишку в армию — и юный орёл взмлет в небеса. Это лишь вопрос времени.

— Государь ещё юн и не обрёл полноту власти, — заговорил Вэй Шаньцюэ спокойным, ровным тоном. — Вдовствующая императрица ждёт, когда он возмужает, чтобы окружить его своими ставленниками. И главное — будущая императрица обязана быть из её клана.

Пэй Чанъин сочувственно вздохнул:

— Бедные девушки... Стать безвольными пешками в чужой игре. Да и императору не позавидуешь. Ладно, так и быть: когда мы в следующий раз станем лакомиться дворцовыми пирожными, я буду отбирать у него поменьше.

Вэй Шаньцюэ с трудом сдержал улыбку:

— Полагаю, Его Величество не обеднеет без этих пирожных.

На самом деле каждый раз, когда Пэй Чанъин без зазрения совести таскал угощения со стола государя, тот и сам ел с куда большим аппетитом. Видимо, отвоёванная в шутилой борьбе еда казалась куда вкуснее пресных дворцовых яств.

Спустя несколько дней министр юстиции, бледный и осунувшийся, поспешил разыскать Вэй Шаньцюэ.

Передаваемый ему уездный судья был мёртв.

Несчастье случилось прямо во время допроса. На глазах у ошеломлённого министра подсудимый внезапно посинел, забился в судорогах и испустил дух. Прибывший коронер после осмотра тела вынес однозначный вердикт: смерть наступила от удушья.

Это был дерзкий, неприкрытый вызов — плевок в лицо ведомству правосудия и лично его главе.

Вэй Шаньцзюэ слегка приподнял брови. Смерть важного свидетеля прямо в застенках Министерства юстиции оказалась неожиданностью даже для него. На секунду задумавшись, он ровно произнёс:

— Господин министр, вы теряете самообладание.

Министр юстиции Ци Хуань судорожно вздохнул, его лицо исказилось от гнева и бессилия:

— Глава Вэй! Если вам что-то известно, умоляю, скажите прямо. Хватит загадок и недомолвок!

<http://bllate.org/book/20384/2140180>